

1481.03.04
(март)

Пушкин А.С.
(Псков, Псковская)

ФЕСТИВАЛИ

60

Пушкинские зимние игры

Мария ХАЛИЗЕВА

Всероссийский Пушкинский театральный фестиваль сделал шаг во второе десятилетие своего существования. С 5 по 12 февраля Псков и Пушкинские Горы в одиннадцатый раз приветливо и радушно встречали участников "зимних пушкинских игр".

Своеобразно, если не вымолвить слово "негостеприимно", повела себя одна лишь псковская погода: первые дни фестиваля глыбы подкопившихся сугробов истерически таяли, непременно оставляя под толщами вод коварную корку льда, так что выступавшие на сцене Псковского академического театра драмы имени А.С.Пушкина всерьез удивлялись количеству людей, решившихся и сумевших-таки добраться до приюта Мельпомены. Вдобавок ко всему, на исключительный по красоте русский город неожиданно пал туман, и в какой-то момент из поля зрения исчезли не только луковки бесчисленных церквей, но и сам величественный псковский Кремль надолго растворился во влажном молочном мареве, обесмыслив тем самым прогулки-вылазки между спектаклями. Впрочем, спустя пару-тройку дней небо все же прояснилось, ощутимо подморозило, и моря разливанные немедленно превратились в сплошной бугристый каток. Трудности в передвижении (за неделю не было встречено ни одного дворника, колющего псковские льды) слегка видоизменились. Все, однако, остались целы.

На первой же утренней фестивальной лаборатории прозвучали ключевые (как показало недалекое будущее) для нынешнего фестиваля вещи. Главный человек Пушкинского фестиваля, художественный руководитель Государственного Пушкинского Театрального Центра (Санкт-Петербург), а с недавних пор еще и народный артист России Владимир Ре-

цептер настаивал на том, что основная цель этого театрального съезда — приблизиться к артисту в пушкинской роли, "навести резкость" на исполнителя. Подобный оптический фокус на протяжении недели проделывался не раз. В тот же первый день фестиваля известный пушкинист Сергей Фомичев выступил с монологом на тему "Незавершенные произведения Пушкина. Проблемы реконструкции", и чуть позже театры продемонстрировали свои воззрения на несколько неоконченных пушкинских сочинений, не пройдя мимо возможности домыслить завершение историй.

Прежде чем перенестись в здание псковского драматического театра и перейти к отчету о собственно театральных событиях фестиваля, скажем несколько слов об областной юношеской библиотеке имени А.С.Пушкина, ежедневно привлекавшей участников творческой лаборатории. Здание, в котором расположена библиотека, — памятник архитектуры XVIII-XIX веков. С 1831 года дом является резиденцией псковских губернаторов, в частности А.Пещурова, бывшего опекуном князя Александра Горчакова, лицейского товарища Александра Пушкина. Пещуров присутствовал на торжестве в честь первого выпуска Царскосельского Лицея, а грустной зимой 1837 года на правах губернатора отдавал распоряжения относительно похорон в Святогорском монастыре трагически закатившегося "солнца русской поэзии". В "губернаторском доме" родился и провел детские годы А.Л.Блок, отец другого поэта — Александра Блока, чей дед А.Л.Черкасов более десяти лет оставался на посту губернатора Пскова.

Если в библиотеке Пушкин приглаждал за анализирующими его творчеством с портрета Василия Тропинина, то в фойе театра зрителя встречало значительно менее знаменитое, курчавое и хмурое изваяние поэта.

Как правило, игралось три спектакля в день, один из них — обязательно на Большой сцене, для широкой публики.

Фестиваль выпало открывать представителям БДТ — Кириллу Лаврову и Валерию Ивченко. Без декораций, театральных костюмов и практически без реквизита, довольно эскизно, в весьма сдержанной манере они представили сцены из спектакля Темура Чхеидзе "Борис Годунов" (подыгрывал актер Иван Ставицкий). Второе

отделение оказалось целиком отдано Валерию Ивченко и хору Свято-Никольской Любятковской церкви. Стихи Пушкина настойчиво, однако, не слишком оправданно чередовались с духовными песнопениями; равноправие составляющих показалось здесь не совсем уместным.

Долю импровизации в торжественный тон первого фестивального вечера привнес Владимир Рецептер. Выйдя по окончании действия на сцену, внимательно выслушав признание Кирилла Лаврова в том, что тот сильно сомневался в возможности подобного "анатомированно-очищенного" преподнесения пушкинских мысли и слова на театре, Рецептер внезапно сменил тему: "Кирилл, если можно, три-четыре реплики..." и без всякого перехода выдал текст из 3-го действия грибоедовского "Горя от ума", в котором когда-то играл Чацкого в режиссуре Георгия Товстоногова: "Нам, Алексей Степаныч, с вами / Не удалось сказать двух слов. / Ну, образ жизни ваш каков? / Без горя нынче? Без печали?" Лавров, в прошлом прекрасный исполнитель роли Молчалина в том же спектакле БДТ, диалог подхватил неторопливо, задумчиво, иронично и одновременно с глубокой ностальгией: "По-прежнему-с". Точка в этой непродолжительной игре походила скорее на многоточие. Лавров устало произнес: "Ну, дальше я забыл...", но, похоже, остался чрезвычайно доволен экспромтом.

Нельзя было не почувствовать, что у организаторов Пушкинского фестиваля возникали серьезные проблемы с формированием афиши, особенно трудно было достойно задействовать Большую сцену. На спектаклях разной степени неудачности, таких, как "Леди Акулина" Московского театра "На Басманной" (постановка Жанны Тертерян), "Капитанская дочка" Воронежского ТЮЗа (постановка Александра Латушко) или "Пир во время чумы" Дзержинского театра драмы (постановка Амана Кулиева) мы останавливаться не станем, однако, справедливости ради скажем, что поклонники нашлись в Пскове и у них.

Один из фестивальных дней почти целиком был отведен моноспектаклям: Сергей Барковский предстал в постановке Андрея Андреева "Жуковский. Прощание" (по письмам В.А.Жуковского к С.Л.Пушкину и А.Х.Бенкендорфу), Владимир Рецептер показал спектакль "Монарх" ("Петр и Алек-

сей"), драматические сцены по материалам "Истории Петра" А.С.Пушкина, Юрий Томошевский вышел на сцену с литературной композицией "На что скажут мне..." по пушкинским стихам, дневникам и автобиографическим заметкам. Все три моноспектакля — плод целеустремленных трудов Государственного Пушкинского театрального центра.

Крупных режиссерских фигур, таких, как Петр Фоменко, Анатолий Васильев, Эймунтас Някрошюс, Деклан Доннеллан, XI пушкинский фестиваль в отличие от предыдущих не предъявил. Невозможным оказалось на этот раз выделить бесспорного лидера фестиваля. Возникали, однако, герои дня. Ими по очереди становились: петербургский артист и чтец Леонид Мозговой, хорошо известный по фильмам Александра Сокурова, у которого сыграл и Ленина, и Гитлера, и Чехова; юные исполнители Рижского театра для детей и молодежи "Ренессанс"; студенты 3-го курса Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства (СПГАТИ), обучающиеся на базе Государственного Пушкинского театрального центра.

"День Мозгового" стартовал на утренней лаборатории, когда вместо сообщения-доклада "О работе над Пушкиным" артист предложил почитать "Евгения Онегина". И действительно взялся читать первую главу романа в стихах так, как мог бы повествовать о событиях, приключившихся с хорошо известными всем людьми, ваш старший знакомец.

Вечером предстоял моноспектакль Леонида Мозгового "Моцарт и Сальери", в работе над которым, по просьбе исполнителя, принимал участие Александр Сокуров: "Несколько месяцев назад я предложил поставить эту маленькую трагедию Сокурову — другого режиссера у меня рядом нет. "Моцарт и Сальери" в моей жизни возник-

кал не однажды, в одном варианте я репетировал Моцарта, в другом Сальери. Но ничего так и не получилось. Теперь же Сокуров усиленно вытравлял из меня мастера художественного слова. Ему нужна была почти что проза. И снова зритель не увидел пышных театральных костюмов, декораций и реквизита, помимо черных кулис, изящного круглого столика и чайной чашки с блюдечком, и снова Мозговой предстал камерным, негромким (местами даже несколько перетишил: музыка — тишина, звук — тишина, всплеск эмоций — почти шепот), нахохлившимся и просветленным, сомневающимся и по-детски распахнутым, заставлявшим сосредоточиваться на ударениях и мельчайших нюансах интонации. По Сокурову и Мозговому, Моцарт — гениальный, но безумец, Сальери же — человек, обреченный совершить страшный поступок, эвтаназию.

После "Моцарта и Сальери", через гулкую паузу, Мозговой ринулся к лирике Пушкина и стихам, ему посвященным. Композиция "Чтоб мыслить и страдать..." была выстроена и исполнена безукоризненно. Подводя итог дня, Владимир Рецеттер обронил слова о поистине "пушкинской скорости мысли" Леонида Мозгового. Никому не пришло в голову спорить.

"День рижан" начался с открытия в фойе театра симпатичной выставки "Из театрального сундука" детских художественных работ, выполненных в манере лоскутной мозаики или, иначе говоря, аппликации, и продолжился изящным спектаклем "Барышня-крестьянка" Театра-студии "Реверанс". Самую жизнерадостную из "Повестей Белкина" разыгрывали подростки. Приплясывающий от переизбытка чувств розовощекий и курчавый Александр Сергеевич (Виталий Щанников) не только представлял публике милых его сердцу персонажей, но явно пребывал со всеми ними в давних приятельских отношениях и кем только по ходу развития событий ни оборачивался: и охотничьим псом, и зайцем, и старым корявым дубом с дуплом, и просто оголтелым дворовым мальчишкой, мчащимся с поручением. Лиза Муромская (Дарья Маркова) и вся ее домашняя компания, включая заводную Настю (Алла Иванцова), дружно шпарили по-английски, изводя чопорную мисс Жаксон, точно она — злостная Фрекен Бок, мило пели русские народные песни и поигрывали невзначай с пушкинскими поэтическими строками, весьма притом грациозно. Спектакль Людмилы Шевченко (она же — художественный руководитель "Реверанса") и Алексея Шкатова отличали нежность и вольность в отношении к Пушкину, юмор и вкус и — что особенно в наше время существенно — чувствование меры. Азарт молодости, увлеченность сценой и взрослое к ней отношение ключом били в этом легком, "полетном", часовом действии. Нельзя было не почувствовать, что за

юными дарованиями приглядывают неравнодушные и трудолюбивые учителя.

Говорит Людмила Шевченко: "После того, как Адольф Шапиро в 1992 году вынужденно покинул Латвийский ТЮЗ, — а мы с ним вместе не только учились в Харькове, но и поработали в Риге тридцать лет, — у меня была такая установка: не сидеть, не горевать, не рыдать, а что-то делать. И мы с молодым коллегой-актером Алексеем Шкатовым создали частную театральную школу, платную, разумеется, иначе нам было бы не выжить. Сейчас, правда, все несколько трансформировалось по сравнению с тем, с чего начинали восемь лет назад.

Сегодня у нас — мини-институт, имеется пять возрастных групп, в студии "Реверанс" занимаются 50 ребят в возрасте от 7 до 18 лет, разработана своя методика обучения на основе сжатой программы театрального ВУЗа. Сюда входят не только актерское мастерство, вокал, сценические движения и речь, но и танец, и фехтование, и история театра. Через несколько лет занятий студийцы переводятся в старшую группу, которая и является труппой театра "Реверанс". Сейчас в репертуаре четыре спектакля (пушкинская "Барышня-крестьянка", мюзикл А.Шкатова "Пираты XXI", "Записки институтки" по роману Л.Чарской, "Кошка и компания" по С.Маршаку). Собираемся ставить "Крокодила" К.Чуковского в память о шапировском спектакле "Чукоккала". Есть и пушкинские задумки.

В работе над спектаклями стараемся исповедовать режиссерские принципы Адольфа Шапиро: подробнейший разбор пьесы и создание точнейшего рисунка ролей, с которого не сдвинуться.

Думаю, что, увлекая детей театром, мы уводим их от какой-то не слишком хорошей жизни школьников в Риге. Родители ребят очень помогают, просто низко нам кланяются. А еще мы, как можем, противостояим вытеснению из Латвии русского языка и русской литературы. Нам очень непросто".

Людмиле Шевченко и Алексею Шкатову не только удается преодолевать всевозможные трудности (в том числе материальные, связанные с арендой помещений), но и изредка вывозить своих подопечных на фестивали: в Даугавпилс, в Великий Новгород, в Псков.

И наконец, внимания заслуживают воспитанники Владимира Рецеттера, показавшие на фестивале спектакль "Два романа" — дипломную работу студента СПГАТИ Бориса Павловича. Первую часть составляет "Роман в письмах"; прецеденты в постановке этого неоконченного пушкинского произведения известны (из недавних — спектакль Игоря Ларина в Театре Музыки и Поэзии п/р Елены Камбуровой). Название второго, лишь только начатого Пушкиным романа "Марья

Шонинг" (наброски сделаны не ранее 1834 года, краткая фабула задуманного произведения изложена во французском конспекте) у большинства гостей фестиваля, исключая маститых пушкинистов, вызвало недоумение и вопросы.

В Санкт-Петербурге зритель по ходу действия переходит из одного зальчика в другой: трагический накал "Марьи Шонинг" требует принципиально иного пространства, нежели светски-игривый настрой "Романа в письмах". В Пскове такой возможности (перемещаться из зала в зал) не оказалось, а потому свечи в канделябрах, пестрые веера и яркие цветочные пятна костюмов попросту уступили место грубым деревянным лавкам, расставленным перед публикой в форме каре, и темным, невзрачным тонам одежды. Криминальную историю, базирующуюся на материалах реального судебного процесса над Марьей Шонинг и Анной Гарлин в Нюрнберге (1787), исполнительницы преподносят со строгим осознанием канонов трагического искусства. Подчеркнутая внешняя статика только укрупняет редкий жест и придает мощь слову. Незадолго до финала спектакля вставшие на дыбы лавки обратятся в кладбищенские надгробия, а чуть позже зазвучит молитва "Miserere". Имен студенток Рецеттера, заслуживающих того, чтобы быть названными, мы тем не менее не имеем возможности напечатать: принцип руководителя курса состоит в том, чтобы не выделять никого из учеников, а потому программка спектакля именует только режиссера, художника и педагогов курса.

Были показаны, причем подряд, в один день, два очень несхожих друг с другом "Евгения Онегина": новгородский (режиссер Надежда Алексеева) и таллиннский (режиссер Эрки Ауле). Новгородский — мрачный, нервный, раздерганный, чурающийся логики, немотивированно безысходный (почти чернушный), несколько раз, впрочем, вспыхнувший яркими театраль-

ными находками, не слишком уместными в романе Пушкина, но запоминающимися сами по себе. Например, такая: дразняще-красные сочные яблоки, принесенные на сцену в белых авоськах, будучи вывалены на покрытый черной скатертью длинный стол, мгновенно превращают его в бильярдный, и яблоки лихо загоняются киями в лузы из плетеных авосек. Эстонский же "Евгений Онегин" предстал более игривым и ироничным, но не менее смелым в интерпретации его создателями пушкинских образов.

В рамках пушкинского фестиваля на сцене Псковского театра состоялся творческий вечер московского поэта Олега Чухонцева. Этот стеснительный и совсем не публичный человек постарался как можно ближе придвинуться к публике (его столик с микрофоном и стул переместили вплотную к первому ряду партера), недолго и, кажется, без особого удовольствия почитал собственные стихи и произнес запомнившуюся фразу о том, что старается "всякий день отбрасывать профанное от истинного".

Сентенция Чухонцева, пожалуй, может прийти к стати при подведении итогов фестиваля, главными героями которого стали совсем молодые люди, тянущиеся к Пушкину отнюдь не из карьерных соображений, и их увлеченные учителя. Обыграем изречение Чухонцева так: в освоении театром Пушкина истинному необходимо дать подрасти и окрепнуть, а профанному в очередной раз не позволить расплодиться.

- Владимир Рецеттер и Сергей Фомищев
- Сцена из спектакля "Евгений Онегин" Таллинского "Салон-Театра"
- Сцены из спектакля "Барышня-крестьянка" Рижского театра для детей и молодежи "Реверанс"

Фото автора

